

Соб. Беларусь, 23 апр. 64 г.

ПАВЕЛ МОЛЧАНОВ В РОЛИ ГАМЛЕТА

Кто из актеров не мечтал сыграть Гамлета — эту, по мнению К. Станиславского, сложнейшую роль из всего мирового репертуара! Многие пытались превратить свою мечту в реальность, но лишь некоторым буквально единицам удалось сделать это, не принизив замысла «царя драматических поэтов» — Вильяма Шекспира.

Величие Гамлета состоит, в частности, в том, что он, «прожив» около четырехсот лет, неизменно остается другом прогрессивного человечества. Его непримиримость к насилию, лжи, злу, его неукротимое стремление переделать мир во имя справедливости и добра воспринимаются как пример, достойный подражания.

Именно эти исходные позиции побуждали Павла Молчанова, первого исполнителя роли Гамлета на белорусской сцене, взяться за ее воплощение в театре имени Я. Коласа (1946 г.). Актер говорил, что мысль о постановке «Гамлета» возникла у него «в самые тяжелые дни войны. Мы все глубоко переживали страшное бедствие, обрушившееся на нашу страну. Фашизм и Гитлер ассоциировались у меня с королем Клавдием и всей его придворной сворой. Гамлет представлялся светлым борцом с силами мрака и насилия. Всю свою ненависть к насильникам, пытавшимся поработить нашу Родину, я хотел воплотить в образе Гамлета».

Мировой театр знает многие примеры трактовки роли Гамлета, нередко прямо противоположные. К числу распространенных трактовок, говоря схематично, относятся: Гамлет — слабый; Гамлет — сильный; Гамлет — борющийся за престол. Ни одно из таких толкований не отвечает шекспировскому замыслу. П. Молчанов отверг эти пути решения образа. Учтя опыт советского театра, он создавал Гамлета разносторонним, живым человеком, со

всеми присущими ему слабыми и сильными сторонами. Актер не соглашался и с теми, кто трактовал Гамлета только как волевого борца, хотя такой путь, на первый взгляд, казался заманчивым. Для этого «историческому» Гамлету многого не доставало: ведь он, протестуя против зла, еще не знает ни причин, ни средств борьбы с ним. Отсюда — вполне понятные сомнения и колебания, которые так часто поселяются в его душе, отсюда и долгие раздумья и нерешительность.

Блестящий знаток Шекспира профессор М. Морозов, сравнивая работу П. Молчанова с некоторыми другими исполнителями роли Гамлета на советской сцене, предпочтением отдавал белорусскому актеру и именно за принципиально верное понимание шекспировского замысла. Оспаривая трактовку Гамлета только как борца, что «окрашивало образ преимущественно в один цвет», М. Морозов заявлял, что постановка в белорусском театре «была значительно многосторонней. Гамлет — динамичный образ. Во втором действии он говорит о своей власти, в четвертом — о своей воле и силе. Гамлет (П. С. Молчанов) был и сильным и слабым человеком, «утопистом» эпохи Шекспира, ненавидящим царящую вокруг него преступную ложь. Театр обратил внимание на исторические корни образа».

Актер убедительно показывал, что у Гамлета достало бы сил немедленно решить свой личный вопрос — отомстить убийце отца. Но Гамлет задумывается над большим: как перестроить несовершенный мир? Однако на поставленный вопрос он не в состоянии дать ответа. В этом и состоит его трагедия, трагедия человека, опередившего свой век.

Крупный успех П. Молчанова в роли Гамлета, разумеется, определяется не только принципиально верным пониманием характера героя.

Актер всю роль проводил на большом внутреннем накале страстей, он вызывал из глубины своей души трепетное, подлинно трагедийное волнение, которое никогда не оставляло в зрительном зале людей холодных и безучастных к судьбе героя. Уже в первой сцене, когда Гамлет, приехав издалека в связи со смертью отца, застаёт во дворце не траур, а пышный прием у нового короля, окруженного заискивающими придворными, когда он узнает, что его мать, «и башмаков не износив», вышла замуж за Клавдия, — зритель видел, как в душе молодого человека назревает буря, предвещающая трагедию. Гамлет едва сдерживает свои чувства. Но вот церемония окончена. Гамлет остается один. Он стремительно бежит, падает, вскакивает... Раздается его протяжный стон «О-о-о!..» Долго сдерживаемое негодование вырывается наружу. Гневу его нет предела. Дикий хохот вдруг сменяется глубокой сосредоточенностью. Гамлет подавлен, растерян...

После встречи с тенью отца у Гамлета проходят подавленность и неуверенность. У него возникает страстное желание действовать. А когда он убеждается в виновности Клавдия, сначала чувство мести, а затем желание покончить со всем злом захватывает его существо.

В сцене похорон Офелии актер поднимался до подлинного трагизма. Безграничная скорбь читалась во всем облике Гамлета, в его словах о любви звучало безутешное горе человека большой души.

Трагическая гибель Гамлета в финале спектакля не оставляла в сознании у зрителя места для пессимизма. Она рождала ненависть ко всяческому злу и несправедливости. Именно в этом состояла главная сила образа Гамлета, созданного Павлом Молчановым.

Вл. НЕФЕД,
доктор искусствоведения.